

¹³ См.: Мягкова А.Ю. Этика в политической рекламе (лингвистический аспект). – М., 2012. – С. 142.

Андреев Андрей Андреевич*,
*студент Института права ФГБОУ ВО «Самарский
государственный экономический университет»
(г. Самара)*

ЗАЩИТА ПРАВ НА СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ), ИСПОЛЗУЕМЫЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНИНА

Секрет производства (ноу-хау) – объект интеллектуальной собственности, который заслуживает предельно пристального внимания ввиду особенностей его правовой охраны. Однако из-за специфики этого объекта в практике нет однозначного ответа на вопрос, что делать правообладателю, если его права на ноу-хау и конфиденциальную информацию были нарушены. Однако эффективная защита секрета производства (ноу-хау) напрямую отвечает общественным интересам. Если такой информации не будет предоставлена надлежащая защита и охрана, в том числе со стороны государства, это может привести к серьезным последствиям для всей экономики, к утрате ее конкурентоспособности.

В ст. 44 Конституции РФ закреплено, что интеллектуальная собственность охраняется законом. Хотя некоторые меры ответственности предусмотрены уголовным и административным законодательством, с учетом характера и природы складывающихся по поводу интеллектуальной собственности отношений, главенствующая роль в их законодательной регламентации принадлежит гражданскому законодательству.

Понятие секрета производства дается в ст. 1465 Гражданского кодекса РФ¹), где под ноу-хау понимаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании, и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны.

Сама природа секрета производства, предполагающая его секретный характер настолько долго, насколько это возможно, исключает его публикацию, а

* © Андреев А.А., 2017

затем передачу в общественное достояние по прошествии определенного периода времени. В свою очередь, государство не может предоставить владельцу секрета производства временную монополию, являющуюся сердцевинной исключительного права, и соответственно не выдает от своего имени охранной документ (свидетельство или патент), подтверждающий легальную монополию и закрепляющий за владельцем исключительное право.

Таким образом, право на секрет производства зиждется на фактической монополии, которая весьма уязвима и подвержена многочисленным опасностям. Реализация права на секрет производства носит ограниченный характер в так называемых абсолютных правоотношениях, когда его владельцу противостоит неопределенный круг лиц². В данном случае правообладатель может лишь исключить незаконное получение его секрета производства со стороны третьих лиц (например, промышленный шпионаж, подкуп служащего конкурента). Иные правомочия правообладателя реализуются, как правило, в рамках относительных правоотношений, т.е. путем включения в договоры об уступке или лицензионные договоры условий конфиденциальности сведений, составляющих содержание секрета производства.

Исходя из вышесказанного, невозможно говорить об исключительном праве на секрет производства в классическом понимании. Если же сравнить российское законодательство в данной области с законодательством других европейских стран, то для европейских правовых порядков отнесение секретов производства к объектам интеллектуальной собственности с возможностью получения на него исключительного права является нетипичным. Например, в Бельгии и Нидерландах защита прав на секрет производства возможна только с помощью норм о деликтах. В Англии и Ирландии защита прав вытекает из общих норм о представительстве и положений деликтного права.

Кроме сложности в определении самого права на секрет производства, В.И. Еременко указывает также на сложность доказательства правонарушений в данной сфере, что дополнительно ослабляет систему реальной защиты прав и интересов владельцев секретов производства³. В большинстве случаев, истец должен доказать, во-первых, что сведения отвечают признакам секрета производства, установленным законом. Во-вторых, что ответчик неправомерно получил доступ к ноу-хау или использовал предоставленную правообладателем закрытую информацию с нарушением договорных условий. В-третьих, размер убытков, причиненных нарушением. Ответчик же в свою защиту может сослаться на факт получения сведений добросовестно и независимо от истца.

Наиболее эффективной тактикой защиты своих прав в таких спорах – доказать недобросовестность лица, получившего конфиденциальные сведения. Это позволит истцу переложить на него бремя доказывания отсутствия нарушения. О недобросовестности лиц, участвующих в деле, может свидетельствовать, например, отказ от раскрытия информации.

В случае, если нарушитель не сможет представить убедительных доказательств самостоятельного получения информации, суд сможет признать факт нарушения⁴. В ст.1472 ГК РФ российский законодатель устанавливает некоторые стандарты добросовестности в отношении использования секретов производства. Так, информация считается полученной незаконно, если ее получение осуществлялось с умышленным преодолением принятых обладателем информации, мер по охране конфиденциальности этой информации. Незаконно полученной информацией будет также, если получающее эту информацию лицо знало или имело достаточные основания полагать, что эта информация составляет секрет производства, обладателем которой является другое лицо, и что осуществляющее передачу этой информации лицо не имеет на передачу этой информации законного основания. Таким образом, законодатель прямо указывает, что нужно учитывать добросовестность лица, получившего сведения, составляющие коммерческую тайну. Если существовала хотя бы возможность того, что такое лицо знало или должно было знать о незаконности своих действий, к такому субъекту применяются соответствующие меры ответственности.

Еще одним наиболее действенным способом защиты права представляется попытка убедить суд оценить вероятность совпадения технических решений или совершения действий и факт получения информации от лицензиата. Так, если до получения отдельных сведений получившая информацию сторона не обладала определенной технологией, а через незначительное время после возврата конфиденциальной информации стала производить аналогичное оборудование, суд должен оценить вероятность совпадения технических решений сторон.

Оценка вероятностей была принята и в области рассмотрения споров о возмещении убытков. В одном из судебных актов Президиум ВАС РФ прямо указал, что при невозможности установления точного размера убытков должен применяться вероятностный подход⁵.

Таким образом, нельзя сказать, что российское материальное и процессуальное право неспособно обеспечить защиту сведений, составляющих секрет производства. Для этого у судов есть все необходимые инструменты, в том числе возможность перераспределения бремени доказывания и введения специальных презумпций, которые необходимо использовать в области предоставления достаточной эффективной защиты для ноу-хау. Со стороны же юристов требуется продуманный подход к составлению договоров о предоставлении информации, являющейся секретом производства.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Российская газета. – 22 декабря 2006. – № 289.

² Зенин И.А. Предпринимательское право: учебник для вузов. – М., 2015.

³ Еременко В.И. Особенности правовой охраны секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Законодательство и экономика. – 2014. – № 5. – 2014.

⁴ Лашков Н.С. Как привлечь к ответственности за разглашение конфиденциальных сведений // Арбитражная практика. – 2014. – № 5.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 № 2929/11 по делу № А56-44387/2006 // Арбитр.ру

Ахмадиева Гюзель Ринатовна*,
*студентка юридического факультета
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»
(г. Самара)*

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПРИОРИТЕТА РОДИТЕЛЬСКИХ ПРИТЯЖАНИЙ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ

Институт суррогатного материнства появился во второй половине XX века и на протяжении нескольких десятилетий получил свое широкое распространение во многих странах, в том числе и в Российской Федерации. В соответствии со ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» суррогатное материнство – это вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям¹. Несмотря на неутраченные и до сегодняшнего дня споры вокруг данного института, безусловно, суррогатное материнство является возможностью создать полноценную семью для лиц, желающих иметь ребенка, но по физиологическим причинам не способных его зачать.

Однако существующее правовое регулирование суррогатного материнства не является достаточным для решения проблем, возникающих в процессе использования вспомогательных репродуктивных технологий. В настоящее время дискуссии вызывает предоставленная суррогатной матери в п. 4 ст. 51 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) возможность отказать в дачи согласия на запись родителями рождённого ею ребёнком его потенциальных родителей². В дополнение к этому положению п. 5 ст. 16

* © Ахмадиева Г.Р., 2017